

**TARIX. MANBASHUNOSLIK
HISTORY. SOURCE STUDIES**

Тамара Нуридинова

(Ташкент, Узбекистан)
tamara_n@mail.ru

Ольга Удовенко

(Ташкент, Узбекистан)
oludovenko999@gmail.com

**О взаимовлиянии на Великом
Шелковом Пути: исторические примеры
отношений между Средней Азией и
Китаем**

Абстракт

Термин Великий шелковый путь введен в 1877 году немецким геологом, географом и путешественником Фердинандом фон Рихтгофеном (1833–1905). Через Великий шелковый путь от Китая до Рима с III века до н.э. распространялись не только шелка, но и религиозные и культурные идеи. Самарканд, Бухара, Хива – древние города были центральными пунктами Шелкового пути. Торговый и дипломатический обмен между Китаем и Средней Азией начинается с I в. до н.э. Правитель династии Хань У-Ди (правил в 141–87 гг. до н.э.) отправил в 138 году до н.э. своего посланника Чжань Цаня для установления союза с юе-чжи в борьбе с гуннами. Многие годы спустя Чжань Цаню удалось вернуться домой со сведениями о процветающих Фергане, Самарканде, Бухаре и Балхе и был получен доступ на родину легендарных «небесных коней», а также давал Китаю возможность открытия торговых путей через Сычуань в страны Туркестана и Бактрию. Контакты между Востоком и Западом были двусторонними: в Китай завозили западные ткани, особенно персидскую и сирийскую парчу, византийские ткани, ткани из хлопка и шерсти, вышивки. Ценились китайцами, помимо славных коней, охотничьи собаки, соколы, гепарды, вина, изделия из стекла и горного хрусталя. В VIII веке музыка, танцоры, актеры из Самарканда

и Бухары обрели широкую популярность в Китае. Постепенно производство шелка начало распространяться за пределами Китая, к VI веку центры шелкоткачества возникли в Согде и Византийской империи. Значение Великого шелкового пути заключается не только в товарном обмене, также веками происходил обмен культурный, научный и технологический.

Ключевие слова: Великий Шелковый Путь, торговые отношения, культура, искусство.

Об авторы: Нуридинова Тамара Садридиновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Государственный музей искусств Узбекистана.

Удовенко Ольга Юрьевна – заведующий отделом народно-прикладного искусства Узбекистана, Государственный музей искусств Узбекистана.

Для цитирования: Нуридинова, Т. С., Удовенко, О. Ю. 2019. «О взаимовлиянии на Великом Шелковом Пути: исторические примеры отношений между Средней Азией и Китаем». *Узбекистан: лингвистика и культура* 4: 101–111.

Введение

Пути, пересекавшие просторы Средней Азии с древнейших времен служили различным целям: по ним шли большие армии и малые отряды, происходили бои, города, расположенные вдоль путей, оказывались объектами осады; в мирное время эти пути – что придает им особую ценность – становились связующими звеньями политической, торговой и культурной жизни между народами. Древние магистрали, которые шли от Средиземноморья до Китая называют Великим шелковым путем, так как шелк играл в древности и раннем Средневековье важную роль как объект международной торговли. Автором термина Великий шелковый путь, введенного им в 1877 году, является немецкий геолог, географ и путешественник Фердинанд фон Рихтгофен (1833–1905). Со времени своего повторного открытия европейскими исследователями в XIX веке Шелковый путь несколько не утратил своей привлекательности, он и сейчас вызывает в воображении образы тяжело навьюченных диковинными иноземными товарами караванов, неспешно идущих по безводным пустыням и бескрайним степным просторам к оазисам с цветущими богатыми городами. С III века до н.э.

это переплетение торговых путей длиной более 7000 км связывало Китай с Римской империей и служило торговле не только шелком и предметами роскоши, но и способствовало распространению религиозных и культурных идей.

Дипломатические и торговые отношения

Древние города Самарканд, Бухара, Хива являлись центральными пунктами Шелкового пути. Свидетельства торгового и дипломатического обмена между Китаем и Средней Азией приводятся в китайских хрониках начиная с I в. до н.э. по VII–VIII вв. [Пугаченкова 1990, 26]. Так, известно, что правитель династии Хань У-Ди (правил в 141–87 гг. до н.э.), узнав, что сюнну (гунны) победили юе-чжи, центральноазиатский народ, решил установить союз с последними, чтобы совместно напасть на гуннов. Для осуществления задуманного У-Ди был необходим человек, который справился бы с ролью посланника: миссия посланника была сопряжена с большой опасностью, так как на пути к юе-чжи ему предстояло пересечь территории, контролируемые гуннами. В 138 г. до н.э. Чжань Цянь, посланник У-Ди, отправился в путь с караваном, но в провинции Ганьсу он попал в плен к гуннам. Лишь через 10 лет ему удалось бежать, чтобы продолжить возложенную на него миссию посланника. Однако ко времени прибытия Чжань Цяня юэ-чжи потеряли всяческий интерес к идее отмщения гуннам за прошлое поражение. Чжань Цянь провел почти год в землях юе-чжи. На обратном пути он вновь был пленен и лишь 13 лет спустя вернулся на родину. Таким образом, правитель империи получил сведения о процветавших Фергане, Самарканде, Бухаре и Балхе [Павалой 1997, 22]. Чжань Цяню было также поручено найти и привезти в Китай божественных коней Запада, которые, согласно существовавшей легенде, происходили от драконов, соединившихся с кобылицами и давших потомство сверхъестественных прекрасных «лошадей-драконов», обладавших крыльями. Во времена У-Ди китайцы предполагали, что легендарные кони обитают в Фергане. Статные кони местной породы действительно были хороши и пригодны в качестве боевых коней, хотя и не являлись потомством драконов. Во II в. до н.э. Китай знал лишь монгольских низкорослых медлительных лошадей. Китайцы также не знали, как подковывать лошадей, их маленькие лошадки имели мягкие копыта, которые быстро стирались,

ферганские же лошади были сильными с крепкими копытами, за день они могли преодолевать большие расстояния, а в китайских сводках говорилось о том, что эти благородные животные выделяли кровавую испарину [Павалой 1997, 22].

Согласно китайским традициям лошади наделялись чудесными свойствами и божественным происхождением. Более того, наездником мог быть лишь человек благородный и привилегированный. Легенды и мифы о диковинных «небесных конях» веками вдохновляли художников, поэтов, писателей. В 1969 году археологи при раскопках бывшей столицы империи У-Ди обнаружили скульптуру «летающего коня», отлитого из бронзы приблизительно две тысячи лет тому назад. В эпоху Тан художники культивировали живопись лошадей, и многие художники достигли особенных успехов, изображая прекрасных легендарных скакунов. Представление о «крылатых конях» нашло отражение во многих культурах. Изображение коней можно видеть на тканях, вазах, стенных росписях, в виде скульптуры. В целом образ коня играл огромную роль среди кочевников и полуседлых народов, очевидно, конь имел культовое значение, уходящее ко времени, когда его приносили в жертву божествам. Многочисленные терракотовые фигурки коней, иногда они имели всадника, найденные в Халчаяне и на других античных городищах Бактрии, а также наскальные изображения, относящиеся к I тысячелетию до н.э. наделялись определенным магическим значением. Значимость коня тем очевиднее, что его изображение фигурирует на греко-бактрийских, индо-парфянских и кушанских монетах вплоть до начала нашей эры [Пугаченкова 1996, 246].

В росписях Афрасиаба (VII–VIII вв.) в сцене приема самаркандским правителем послов из Чаганиана изображено несколько коней, все они породистые, стройные и хорошо ухоженные, в богатой сбруе, пополах из богатых орнаментированных тканей. Поражает мастерство неизвестного художника с точностью передавшего грацию и вместе с тем силу этих красивых животных, давних и верных спутников человека. Кайму и обшлага одежды одного из послов (южная часть западной стены, фигура 2) украшает кайма с изображениями крылатых коней [Альбаум 1975, 40]. На южной стене изображен мужчина в халате (фигура 3) из белой ткани с рисунком из профильных изображений крылатых коней с лентами на ногах [Альбаум 1975, 41].

Доступ на родину небесных коней так же давал Китаю возможность открытия торговых путей через Сычуань в страны Туркестана и Бактрию. Самой удобной валютой для торговых операций оказался шелк – он был легок при транспортировке, всегда пользовался спросом и ценился так же высоко, как и золото. При раскопках античного Халчаяна были обнаружены фрагменты шелковой ткани красного цвета [Пугаченкова 1966, 54]. Учитывая, что в эпоху античности Китай держал монополию на шелк, источником данной ткани могла быть лишь торговля с Китаем. Дальнейшее налаживание торговых отношений привело китайцев в Персию к 105 или 115 гг. до н.э. От персов (парфян) римляне узнали о шелке. Долгое время римляне думали, что шелк произрастает на деревьях. Китайцы не стремились их переубедить, раскрыв тем самым секрет производства шелка, что привело бы к утрате монополии на шелк. Многие столетия римляне, будучи очарованными воздушным невесомым шелком, называли его *sericum* – «китайская вуаль» и очень хотели заполучить источник этой драгоценной ткани. Известно, что некая китайская принцесса в 420 или 440 гг. должна была выйти замуж за правителя Хотана. Она спрятала в своей прическе личинки шелкопряда и таким образом вывезла их за пределы Великой китайской стены. Постепенно производство шелка начало распространяться за пределами Китая, к VI веку центры шелкоткачества возникли в Согде и Византийской империи. Хотя китайцы лишились монополии на шелк, они, в свою очередь, развели секрет изготовления стекла.

Торговые караваны везли из Китая, помимо шелка, фарфор, пряности, различные снадобья. Можно предположить, какие опасности и полные трагизма происшествия подстерегали торговцев в их длительных путешествиях. Песчаные и снежные бури, горные перевалы, грабители, войны – в любой час купец мог потерять не только свой товар, но и собственную жизнь. Здесь мы не будем описывать всевозможные трудности, с которыми приходилось сталкиваться торговцам в чужой стране – таможня, конкуренция, монополия, когда под видом таможенных пошлин купец мог остаться без значительной части привезенного товара. Однако никакие природные катаклизмы и бюрократические препоны не в силах были остановить торговые караваны. Если торговые тропы приходили в негодность, то прокладывались новые пути и

торговля продолжалась.

Надо отметить, что контакты между Востоком и Западом были двусторонними – в Китай завозили западные ткани, особенно персидскую и сирийскую парчу, византийские ткани, ткани из хлопка и шерсти, вышивки. Ценились китайцами, помимо славных коней, охотничьи собаки, соколы, гепарды, вина, изделия из стекла и горного хрусталя. Китайские города давали приют купцам, прибывавшим из различных государств, в том числе из Согда, как свидетельствуют письма согдийских купцов, что говорит о существовании прочных торговых и деловых отношений между государствами. Цари Согда отправляли в Китай посольства с дарами. Так, в 713 году в Китай было отправлено посольство, и в числе ценных подарков находилась кольчуга [Альбаум 1975, 57], подобную которой можно увидеть на изображениях из Пенджикента, Варахши и Кызыла; на Афрасиабе при раскопках дома с живописью в помещении 5 была найдена железная кольчуга. Китайцы стали носить кольчугу только в первой половине VIII в., заимствовав ее у согдийцев Самарканда. Кроме того, среди даров упомянутого посольства был кубок из восточного хрусталя, агатовый кувшин и «яйца верблюда-птицы» (страуса) [Пугаченкова 1990, 27]. В Согде страусы не водились, вероятно, согдийцы могли получить их только из других стран – из Аравии и Сирии. Этими дарами самаркандские правители, очевидно, хотели поразить воображение китайского императора.

Средняя Азия дала Китаю персиковое дерево. В VII веке посольство Самарканда посылало императорскому двору прекрасные желтые персики. Золотые персики Самарканда олицетворяли в Китае в эпоху Тан все экзотическое и влекущее к себе [Шефер 1981, 14]. Они так полюбились китайцам, что цветы и плоды персика прочно вошли в китайское искусство. Цветущий персик – один из излюбленных сюжетов китайских художников, изображение плода персика часто встречается на вазах, чашках и блюдах (1-илл.).

Плоду персика приписывалось свойство дарить долголетие, и даже бессмертие. Легендарный древнекитайский мудрец Лао-Цзы, основатель даосизма, изображается с персиком – символом долголетия. Согласно преданию он не умер, а удалился в заоблачные горы.

Илл. 1. Пиршество персиками.
Китай. Литография. КП-7068

Женщина с персиками

Повальное увлечение китайцев новой чужеземной экзотикой простиралось не только на приобретение товаров, но и как было отмечено выше, появилась мода на иностранную музыку, а привозимые из Средней Азии в Китай танцоры, поражали своим исполнительским мастерством. Посольства наряду с различными материальными ценностями преподносили в дар среди всего прочего актеров, музыкантов и танцоров. В VIII веке музыка Самарканда и Бухары обрела такую широкую популярность в Китае [Шефер 1981, 80], что музыка Самарканда даже входила в официальный придворный репертуар [Шефер 1981, 83]. Иностранная музыка звучала не только в императорском дворе, но ее можно было слышать в среде обычных горожан. Танцоры, актеры, фокусники устраивали невиданные представления для увеселения публики [Бичурин 1960, 311]. В источниках упоминаются: «Западный скачущий танец» в исполнении мальчиков из Ташкента, «Танец Чача» в исполнении девушек, одетых в легкие, вышитые одежды и остроконечные шапки с колокольчиками [Шефер 1981, 84]. Особенной любовью зрителей пользовался танец «Девы с Запада, крутящиеся в вихре», который представлял собой захватывающее зрелище: согдийские девушки в алых платьях, зеленых шароварах и красных замшевых сапожках прыжками двигались в танце, затем начинали кружиться стоя, на перекатывающихся по площадке шарах. Ловкость и грациозность танцовщиц вызывали восхищение и восторг зрителей [Шефер 1981, 85].

В свою очередь культура и искусство Средней Азии испытали на себе влияние Китая. Выше мы упоминали о том,

что к VI веку центры шелкоткачества возникли в Согде. Вскоре согдийские шелковые ткани стали экспортироваться в другие государства, составляя конкуренцию китайским шелкам. Согд занимал выгодное положение, находясь на торговых путях, что значительно укрепляло его экономическое состояние и усиливало его роль и значение в международных отношениях.

Искусство гончаров

Теперь обратимся к искусству гончаров. Китайский фарфор веками как предмет чрезвычайной редкости и роскоши был доступен лишь ограниченному кругу – очень богатому сословию. Китайские фарфоровые изделия попадали в Среднюю Азию как предметы торговли через Шелковый путь или в качестве даров посольства.

Известно, что при дворе Тимура было достаточно много фарфора, так Руи Гонсалес де Клавихо в своих сообщениях описывает золотые, серебряные, глиняные миски и «другие, называемые фарфоровыми, которые очень ценятся и дорого стоят» [Клавихо 1990, 110] и в которых подавалось обильное угощение во время пира. Местные мастера подражали бесценным фарфоровым китайским изделиям: тимуридская керамика изобилует мотивами лотосов, пионов, хризантем, символами как, например, узел счастья, – а покрытие белым ангобом и кобальтовой росписью придавало чашам и блюдам еще большее сходство с китайскими образцами. Лишь в XVIII веке китайский фарфор в значительном количестве начинает экспортироваться в Среднюю Азию [Чабров 1940, 13].

Ассортимент экспортируемой посуды составляли формы изделий исторически сложившиеся и привычные местному населению, что говорит о хорошей изученности среднеазиатского рынка [Чабров 1940, 17]. Вполне естественным было подражание китайскому фарфору местными гончарами. В конце XIX начале XX века в Средней Азии обрела популярность керамическая посуда из Риштана (2 илл.). По своим технологическим критериям она лидировала среди узбекской керамики из других областей [Рахимов 1961, 82].

Особое место занимали тонкие полуфаянсовые изделия, которые начали производиться гончарами Риштана в середине XIX в подражание китайскому фарфору и назывались, *чини*, т.е. китайские. Мастера-керамисты, изготовлявшие высококачественную посуду из фаянса назывались *чиннипаз*.

Илл. 2. Ляган. Риштан. 1880. Усто-Садык.
Керамика. КП-7105

В самом деле, посуда с белой и голубой окраской и синим рисунком явно подражала китайским образцам фарфора. Отражение китайского влияния можно видеть на примере мотивов китайских орнаментов, которые на протяжении веков встречаются на узбекской керамике, резьбе по дереву и ганчу, тканях. Некоторые узоры носят стойкие названия, как, например, чиннигуль (или гули-чинни), чиннибарг, чинни бута, чиннимухр, хитой гуль и др.

Также мы можем проследить влияние китайского искусства на среднеазиатскую миниатюру, это – интереснейшая тема.

Заключение

Значение Великого Шелкового Пути не ограничивается лишь товарным обменом, так же веками происходил обмен культурный, научный и технологический. В разные исторические эпохи отношения между Китаем и Средней Азией то ослабевали с упадком правления династий, то возобновлялись – и дипломатический, торговый и культурный обмен переживал невиданный подъем. Активизация отношений имела прогрессивное значение и способствовала развитию городов, ремесел, интеграции культуры. Таким образом, шелковая нить прочно связала далекие страны и разные культуры Востока и Запада, обогащая их через взаимный обмен духовными и материальными ценностями.

Литература

- Альбаум Л. И. 1975. *Живопись Афрасиаба*. АН УзР Институт Археологии. Ташкент: Фан.
- Иакинф (Бичурин Н. Я.). 1951. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, Ч. 1-2. Санкт-Петербург: Типография Военно-Учебных Заведений.
- Иакинф (Бичурин Н. Я.). 1953. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Ч. 3. Приложения. Москва-Ленинград.
- Рахимов, М. К. 1996. *Художественная керамика Узбекистана*. Ташкент.
- Руи Гонсалес де Клавихо. 1990. *Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406)*. Москва: Наука.
- Павалой, М. 1997. *Как все начиналось. Наследники Шелкового Пути*. Узбекистан. Штутгарт.
- Пугаченкова, А. К. 1990. *Предметы иноземного импорта на Среднеазиатских трассах Великого Шелкового Пути*. На Среднеазиатских трассах Великого Шелкового Пути. Очерки истории и культуры. АН УзР. Ташкент.
- Пугаченкова, А. 1966. *Халчаян*. Ташкент: Фан.
- Шефер, Э. 1981. *Золотые персики Самарканда*. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. Москва.
- Чабров, Г. Н. 1940. *Китайский фарфор в Средней Азии*. Ташкент.

Tamara Nuridinova

(Tashkent, Uzbekistan)

tamara_n@mail.ru

Olga Udovenka

(Tashkent, Uzbekistan)

oludovenko999@gmail.com

On Interfaces on the Great Silk Road: Historical Examples of Relations Between Middle Asia and China

Abstract

The term "Great Silk Road" was coined in 1877 by the German geologist, geographer and traveler Ferdinand von Richthofen (1833-1905). Through the Great Silk Road from China to Rome from the 3rd century BC not only silk spread, but also religious and cultural ideas. Samarkand, Bukhara, Khiva - ancient cities were the central points of the Silk Road. Trade and diplomatic exchange between China and Central Asia begins in

the 1st century. BC. The ruler of the Han dynasty, U-Di (reigned in 141-87 BC), sent in 138 BC his envoy Zhan Tsan to establish an alliance with Yuechi in the fight against the Huns. Many years later, Zhan Tsan managed to return home with information about the prosperous Fergana, Samarkand, Bukhara and Balkh and gained access to the homeland of the legendary “heavenly horses”, and also gave China the opportunity to open trade routes through Sichuan to Turkestan and Bactria. The relationships between East and West were bilateral - Western fabrics were imported into China, especially Persian and Syrian brocade, Byzantine fabrics, cotton and wool fabrics, embroidery. In addition to the glorious horses, the Chinese valued hunting dogs, falcons, cheetahs, wines, glassware and rock crystal. In the VIII century, music, dancers, actors from Samarkand and Bukhara gained wide popularity in China. Gradually, silk production began to spread outside of China, by the 6th century, silk weaving centers arose in Sogd and the Byzantine Empire. The significance of the Great Silk Road was not only in commodity exchange, but also for centuries there has been a cultural, scientific and technological exchange.

Key words: Great Silk Road, trade relations, culture, art.

About the authors: *Tamara S. Nuridinova* – Candidate of Historical Sciences, Senior Scientific Researcher, State of Art Museum of Uzbekistan.

Olga Y. Udovenka – Head Department of Folk Applied Art of Uzbekistan, State of Art Museum of Uzbekistan.

For citation: *Nuridinova, T.S., Udovenka, O. Y.* 2019. “On Interfaces on the Great Silk Road: Historical Examples of Relations Between Middle Asia and China”. *Uzbekistan: Language and Culture* 4: 101—111.

References

- Al'baum, L. I. 1975. *Zhivopis' Afrasiaba. AN UzR Institut Arheologii*. Tashkent: Fan.
- Iakin'f (Bichurin N. Ja.). 1951. *Sobranie svedenij o narodah, obitavshih v Srednej Azii v drevnie vremena*. Ch. 1-2. Sankt-Peterburg: Tipografija Voenno-Uchebnyh Zavedenij.
- Iakin'f (Bichurin N. Ja.). 1953. *Sobranie svedenij o narodah, obitavshih v Srednej Azii v drevnie vremena*. Ch. 3. Prilozhenija. Moskva-Leningrad.
- Rahimov, M.K. 1996. *Hudozhestvennaja keramika Uzbekistana*. Tashkent.
- Rui Gonsales de Klaviho. 1990. *Dnevnik puteshestvija v Samarkand ko dvoru Timura (1403-1406)*. Moskva: Nauka.
- Pavaloj, M. 1997. *Kak vse nachinalos': Nasledniki Shelkovogo Puti*. Uzbekistan. Shtutgart.
- Pugachenkova, A. K. 1990. *Predmety inozemnogo importa na Sredneaziatskih trassah Velikogo Shelkovogo Puti*. Na Sredneaziatskih trassah Velikogo Shelkovogo Puti. Ocherki istorii i kul'tury. AN UzR. Tashkent.
- Pugachenkova, A. 1966. *Halchajan*. Tashkent: Fan.
- Shefer, Je. 1981. *Zolotyje persiki Samarkanda*. Kniga o chuzhezemnyh dikovinah v imperii Tan. Moskva.
- Chabrov, G.N. 1940. *Kitajskij farfor v Srednej Azii*. Tashkent.